

ГЛАВА 1

На секунду меня ослепил свет прожектора. Я поморгала, чтобы вновь обрести зрение, и выдала свою самую ослепительную улыбку.

— Лялечка, дорогая, повернись... вот так, еще... еще. Дорогая, в этом сезоне ты заткнешь за пояс эту противную Лиззи! Красавица! Богиня!

Моментограф безостановочно говорил мне комплименты, а я поворачивалась, демонстрируя великолепное нижнее белье от Ванессы Смузи. В этом сезоне я участвовала в конкурсе, который устроил знаменитый мужской журнал «Паннекс». Победительница будет красоваться на его обложке целый сезон, и уступать эту честь своей главной сопернице, Лизавете Контас, я не намерена. Моментосессия продолжалась уже три часа, и помоги богиня, чтобы из всего многообразия снимков для первого этапа голосования я выбрала хотя бы парочку.

— Лялечка, — уже пряча оборудование в свою безразмерную сумку, обратился ко мне моментограф. — Ты слышала, что Лиззи решила устроить благотворительный ужин в честь своего участия в конкурсе?

Я выглянула из-за ширмы, за которой одевалась. Альф хоть и был немного другой сексуальной ориентации, чем девушкам хотелось бы, но переодеваться при нем все же было неудобно.

— Я не удивлена, что она пытается победить такими грязными способами. Ну что ж, пусть делает все, что считает нужным... А на какой день назначен ужин?

Альф замялся:

— Ровно через месяц, в последний день лета.

Я чуть не задохнулась от злости и выскочила из-за ширмы, застегивая пуговицы на блузке, от нервов пальцы путались в петлях и срывались. Альф крикнул и сделал щелчок — пуговицы мгновенно встали на свое место.

— Ты серьезно?! Альф, но это же мой день рождения! Кого она туда пригласила?

— Даже не знаю, Ляля. Я не общаюсь с ней...

— Альф, — я схватила со стола маникюрные ножницы и красноречиво потрясла ими в воздухе. — Не заставляй меня переходить к пыткам.

— Лялечка, — парень закатил глаза и откинул со лба челочку. — Я легко смогу себя защитить.

— Да ладно, — я прищурилась и положила ножницы обратно на стол. — В таком случае мне придется рассказать всем вокруг о...

— О моей нетрадиционной ориентации? — фыркнул Альф.

— О том, что ты иммигрант, — зловеще закончила я. — Думаешь, я не знаю, зачем ты обращался к моему отцу? А при должном желании даже смогу найти подтверждающие твой переезд документы. Как думаешь, как скоро от тебя отвернутся все клиенты из высшего общества? Аристократы и министры людей со стороны очень не любят.

Альф побледнел, и скрыть это не смог даже большой слой пудры.

— Не понимаю, о чем ты говоришь!

— Отлично понимаешь, — отрезала я. — Ну, говори! Кто приглашен?

— Ты не посмеешь...

Я удивленно приподняла бровь:

— Ты серьезно сейчас? Интересно, что же меня останавливает?

— Наши хорошие отношения? — предположил Альф, но я презрительно фыркнула.

АКАДЕМИЯ ВЛАСТИ. СТУДЕНКА В ПОДАРОК

— Альф, за твое хорошее отношение я очень хорошо плачу. И отлично понимаю, что, если Лиззи заплатит больше, ты тут же переметнешься к ней. Говори давай, иначе мне придется наведаться в кабинет к отцу. Свои бумаги от любимой дочери он не прячет.

— И очень зря, — огрызнулся моментограф, секунду подумал и глубоко вздохнул, набираясь сил и понимая, что последует за его ответом. — Лиззи пригласила всех министерских детей, всех гимназистов из вашей группы, журналистов, ну и еще по мелочи. Список гостей я не видел, но...

— И что, все согласились?

— Согласились все... Вырученные за ужин деньги Лиззи собирается передать малоимущим женщинам на покупку нижнего белья.

Я в бешенстве схватила со стола статуэтку и швырнула ее в стену. Проследила, как разлетаются осколки, и только тогда закричала от злости:

— Дрянь! Ты посмотри, какая дрянь! Ведь она же знала, не могла не знать, что испортит мне праздник!

— По-моему, это и было ее целью, — заметил Альф, боком двигаясь к выходу.

Я схватилась за виски, пытаюсь успокоиться, но ничего не выходило. Паника захлестывала меня волнами. Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть.

— Хорошо, спасибо за информацию, Альф. Ты можешь идти.

— Надеюсь, слухи о том, что я не совсем житель империи не выйдут дальше этого дома, Ляля? Ты же понимаешь, как это важно для меня, для моей карьеры...

— Можешь быть спокоен, Альф, — отмахнулась я. Злость я выплеснула, теперь нужно было придумать, как действовать дальше. — Если честно, я никому и не собиралась об этом говорить.

С Лиззи мы были знакомы с того момента, как наши отцы стали помощниками министров, а затем министрами, то есть всю жизнь. Матери были очень заняты приемами и вхождением в новый статус, советовались друг с другом даже при выборе скатертей, а потому и няню наняли одну на двоих — нашли единственную идеальную. Так что уже с детства нам с Лиззи пришлось соперничать за внимание няни. Естественно, что мы пошли в одну и ту же гимназию, и соперничество продолжилось, только на более высоком уровне. Мы не соревновались в оценках: учились обе из рук вон плохо. Каждая из нас старалась быть в центре внимания, каждая старалась быть эффектнее, красивее, значимее в глазах окружающих. В ход шло все: мы портили друг другу одежду, распускали сплетни, рвали тетради и учебники. Даже друзья наши смешались, как только появлялся кто-то в окружении одной, вторая тут же находила способ с ним познакомиться и сблизиться. Единственное, стихиями мы владели разными: мне подчинялся воздух, а Лиззи — земля. Но вот уровень владения... Тут уж мы обе были одинаково слабы.

Взрослея, становились умнее, и теперь уже пакости были не такими явными, но приятнее от этого не становились. Даже если взять как пример участие в конкурсе «Паннекса», то первой заявку подала я, а Лиззете стало жизненно необходимо победить. И этот благотворительный ужин никому не нужен: в конкурсе имеет значение хорошая фигура и отличные моментографии, но упустить шанс испортить мне день рождения Лиззи не могла.

Хорошо, чертовка, придумала. И самое главное, мне нечего ей противопоставить. Может быть, нужно объявить, что все подарки я передам в детский дом? Но гости уже пообещали, что придут к Лиззи, так что нет смысла глупо трепыхаться.

АКАДЕМИЯ ВЛАСТИ. СТУДЕНКА В ПОДАРОК

Я прошла по комнате, размышляя и тихо ругаясь. В задумчивости тронула витой столик времен империи Тиани, который отхватила на одной из распродаж антиквариата. В моей комнате в доме и этой студии для моментосессий, которую я снимала с разрешения отца, было очень много старых и по-настоящему интересных вещей. Вот в чем не могла превзойти меня Лиззи, так это в моей любви к истории. Контас искренне считала, что прошлый век — это прошлый модный сезон, а война имперских наемников была между продавцами и парикмахерами.

Как же бороться с Лиззи? Я еще побродила по студии и решила, что пора ехать домой. Кто знает, может быть, моментографии Альфа будут настолько удачными, что мне даже сразаться с Контас не придется и жюри присудит мне победу в первом этапе конкурса.

На улице ждал омнибиль премиум-класса красного цвета с золотыми полосами по бокам. Для меня это была любимая игрушечка, в которой я души не чаяла. Спокойствие наступало сразу же, как только я садилась на великолепное сиденье из белой кожи. Вот и сейчас я села, захлопнула дверь и глубоко вздохнула, ощущая себя почти счастливой. Марк, мой личный водитель, посмотрел на меня в зеркало заднего вида и улыбнулся:

— Все нормально?

— Почти, — буркнула я. — Лиззи опять портит мне жизнь.

— За это ты портишь ее всем подряд? — хмыкнул Марк. — Альф выскочил из дома как ошпаренный.

Я молча закрыла глаза. Марк ненамного меня старше и иногда позволяет себе лишнего, пытаюсь флиртовать, да и вообще вести себя как с подругой. Я отлично понимаю мотивы его поведения и иногда отвечаю тем же, а иногда просто игнорирую. Как сейчас.

— Домой? — тщетно подождав ответа, спросил Марк. Я кивнула, не открывая глаз.

— Мсье Тиррос дома.

Наверное, я задремала в дороге. От голоса Марка подскочила и завертела головой:

— Отец дома? Не может быть!

Действительно, на стоянке стоял черный вытянутый омнибиль, на котором обычно ездил отец. В отличие от меня, водителей он считал бесполезной тратой денег и водил аппарат самостоятельно.

Из омнибиля я выскочила, когда мягкие каучуковые шины еще продолжали свое движение, отец слишком редко бывает дома, чтобы я пропустила хотя бы секунду общения с ним. Марк что-то крикнул мне вслед, но я бежала по дорожке, размахивая сумочкой, и влетела прямо в объятия отца, который стоял на веранде.

— Осторожнее, Лиλιана, — засмеялся он и отодвинул меня от себя, желая внимательно рассмотреть. Только отец называл меня полным именем. — Я тоже рад тебя видеть. Где ты была?

С отцом мы разговаривали ежедневно, связываясь по мини-буку. Но при личной встрече он мог прочитать по моему лицу гораздо больше, чем я хотела бы сказать. Поэтому пришлось постараться выглядеть как можно беззаботнее.

— Я была в студии, папочка. Хочу участвовать в большом конкурсе моментографий.

— Надеюсь, ничего предосудительного?

Я сжалась, подумав, что моментосессия в нижнем белье как раз может отцу и не понравиться, но если признаться сейчас, то это значит проиграть Лиззи, не начав саму игру.

— Нет, папочка, все очень пристойно.

Отец задумчиво взглянул на меня, явно сомневаясь, но тут вмешалась мама, которая вышла на веранду встречать свою семью, и мсье Тиррос отбросил все мысли

АКАДЕМИЯ ВЛАСТИ. СТУДЕНКА В ПОДАРОК

в сторону. Мама, кстати, тоже была нечастым гостем в родном доме, а сегодня, по-видимому, ей позвонил отец и сообщил, что вернется пораньше. Что ж, нас ждет семейный ужин.

— Дорогие мои, пойдемте за стол.

В дом мы вошли с отцом в обнимку, я не желала отпустить его и на секунду, радуясь такому редкому моменту общения. Мы сели за стол: отец — во главе, мама — по правую руку, а я — напротив. В очередной раз родителями я залюбовалась: настолько красивой парой они были. Он — высокий, плечистый, с благородной седой в густых волосах и тяжелым взглядом серьезного, состоявшегося человека, и она — воздушная блондинка с идеальной фигурой и синими, как море, глазами.

Мама и папа познакомились еще в академии. Отец мечтал стать боевым магом, а мама — знатоком. Так называют магов, сведущих в правоведении, имперской экономике и истории. И, как рассказывала мама, они друг друга терпеть не могли. Боевики вели себя просто безобразно, шокируя Академию всевозможными эпатирующими выходками, и обстоятельный знаток, староста курса, не могла к этому нормально относиться. А боевик-отец считал маму синим чулком, занудой и ботаником. Не знаю, как при таком отношении друг к другу мои родители осознали, что влюблены, но на третьем курсе они поженились. А когда были на четвертом, появилась я.

После окончания академии выяснилось, что специализации оба моих родителя выбрали неверно. Отец поступил на службу в министерство и достаточно быстро сделал карьеру. На настоящий момент он является министром внутренних дел империи Танзани, а такого поста не так легко добиться. Мама же, после того как у нашей семьи начался стремительный взлет, профессию законника забросила, основала свой благотворительный фонд и все свое время тратила на всевозможные приемы, ор-

ганизацию мероприятий, выставок и движений. Можно было бы решить, что делала это мама для того, чтобы повысить политический рейтинг отца, но нет. Фонд для нее как любимая игрушка. Для многих женщин таковой является ребенок, но только не в нашей семье.

В связи с тем что приехал отец, ужинали мы почти в торжественной обстановке. Наша экономка Марисса расстаралась, и стол просто ломился от любимых министр-ом блюд. Мама с папой обсуждали последний прием, который организовал фонд, а я улыбалась, понимая, что давно не чувствовала себя так спокойно. Будто маленький ребенок, которого обнимают сразу оба родителя.

— Дорогие мои, — отец наконец положил вилку и сложил руки под подбородком. — Лилиана, — я кивнула. — И Иллия, — мама улыбнулась. — Я приехал сегодня пораньше, чтобы кое-что вам сообщить.

Я поперхнулась, почему-то вспомнив о том, как мою подругу Мэд насильно выдали замуж. Но мой же отец не станет так поступать? Горничная подошла ко мне с вином, и я еле уловимо качнула головой, делая знак, что выпивать сегодня не буду. К сожалению, от отца это не укрылось.

— Лилиана, сегодня, думаю, тебе тоже стоит выпить. Надеюсь, это для тебя будет первый опыт употребления алкоголя?

Взгляд отца похолодел, а я широко улыбнулась:

— Второй, папочка. Первый раз я выпила вина на свое восемнадцатилетие, помнишь?

— Да, точно. Итак, у всех бокалы наполнены, — отец взял в руку бокал. — Я хочу сообщить вам, что меня избрали в Совет пяти империи.

Официально империей правит император Арракел, опираясь на доверенных аристократов, но фактически власть сосредоточена в руках Совета пяти — собрания министров империи, обладающих практически неограниченными возможностями. Причем редко какой ми-

АКАДЕМИЯ ВЛАСТИ. СТУДЕНКА В ПОДАРОК

нистр относится к аристократам, считается, что великие роды выше таких глупостей, как управление империей. С ними советуются, к их мнению неофициально прислушиваются, но вешать на себя ярмо министра — удел выскочек из неблагородных. В Совет пяти попадают лишь те, у кого есть заслуги перед страной, высокий уровень влияния и какие-то исключительные личные качества, и неважно, каким министерством руководит избранный: это может быть и министр науки, и министр транспорта. Это почетно — быть дочерью министра Совета пяти, и я с искренней радостью захлопала в ладоши:

— Папа, но это же чудесно!

Мама завизжала и бросилась отцу на грудь, из-за чего он расплескал виски. Но все только счастливо рассмеялись.

— Да, это, безусловно, огромный шанс, мои девочки. Но я прошу вас никому не говорить, пока официально не будет объявлено. Не хотелось бы, чтобы меня начали поздравлять раньше, чем я почувствую торжество момента.

— Конечно, — я захлопала в ладоши. — А когда это объявят, нам нужно делать вид, что мы поражены?

Отец улыбнулся:

— Можешь точно так же похлопать в ладоши, и этого будет достаточно. Я думаю, вы меня не опозорите и поведете себя достойно.

Я опять чуть не поперхнулась, почему-то вспомнив о том, что буду участвовать в конкурсе нижнего белья. Но какая в сущности разница? Разве может какой-то журнал повлиять на положение отца? И ничего такого предосудительного я делать не собираюсь. Насколько мне известно, младшая дочь одного из министров Совета пяти является действующей моделью. И не думаю, что она диктует правила, в чем будет сниматься, а в чем нет. Вернее, без чего не будет сниматься.

Родители что-то продолжили обсуждать между собой, а я задумчиво ковырялась вилкой в салате, опять вернувшись мыслями к вопросу противодействия Лиззи. Очень хотелось немедленно позвонить ей и похвастать, что моя семья достигла таких высот, какие семье Контас и не снились, но запретили же. Ничего, я дождусь дня своего триумфа, лично открою открытку с поздравлениями от семьи Контас и напишу ответ. А если очень повезет, возможно, мы даже встретимся на том самом приеме, когда о вступлении отца в Совет станет официально известно.

— Лилиана, — обратил на меня внимание отец. — Чему ты улыбаешься?

— Открывающимся перспективам, — честно призналась я.

— Отлично, о перспективах как раз я и желаю с тобой поговорить.

Я вопросительно приподняла бровь.

— Лилиана, год назад ты окончила гимназию и занималась всем, что душе твоей угодно. Но теперь, я считаю, пора уже сделать выбор: к чему ты будешь стремиться в жизни?

— Это тот самый серьезный разговор между отцом и дочерью? — хмыкнула я. — Папа, я уже занимаюсь тем, чем хочу.

— То есть ничем?

Я густо покраснела и взглянула на маму в надежде, что она за меня вступится. Но нет, мисси Тиррос уткнулась в свою тарелку и старательно делала вид, что все происходящее ее не касается. Впрочем, как обычно. Я почувствовала, что начинаю закипать.

— А ты хочешь посадить меня в кабинет перебирать твои министерские бумажки? Я не для этого рождена, папа!

— Для чего ты рождена — решать нам. Все-таки мы в этом непосредственно участвовали.

АКАДЕМИЯ ВЛАСТИ. СТУДЕНКА В ПОДАРОК

— Ну давай, заведи шарманку насчет того, что твоя дочь должна заниматься важным делом.

— У тебя был целый год после окончания гимназии, который ты хотела потратить на выбор места обучения. Я не говорю, что тебе стоит «перебирать бумажки», если ты захочешь заниматься... ну не знаю, прическами, например, то я помогу. Ты можешь поступить в академию красоты, а после того как выпустишься, попробуешь открыть свой салон. Все что угодно, но я хочу видеть, что ты пытаешься чего-то достичь в жизни, а не просто прожигашь ее.

— Это что, скандал? — Я глупо поморгала, пытаюсь остановить слезы, грозящие хлынуть из глаз. — То есть ты считаешь, что твоя дочь ничего не сможет достичь без этой глупой Академии? Чему учат в Академии красоты? Ножницы держать? Я хочу быть моделью!

— Это исключено, — фыркнул отец. — Твое увлечение моментографией я могу стерпеть только в качестве хобби. Делать из этого профессию не позволю.

Я бросила салфетку, которую нервно комкала в руках, на пол и вскочила на ноги, чуть не перевернув стол. Отец показательно громко вздохнул, призывая маму обратить внимание на мое поведение.

— Ляля, — мама беспомощно подняла глаза, но я не обратила на нее внимания, отлично понимая, кто командует парадом. Парадом попраiania моих желаний и порчи жизни.

— А я... я не позволю, — я задыхалась от злости, не зная, что сказать. Отец грустно смотрел на меня, и от этого становилось еще больнее. Будто я и впрямь плохая, капризная девчонка. — Я не позволю тебе командовать!

— Так, хватит, — отец закатил глаза. — Ты говоришь на эмоциях, мне это не нравится.

Я чуть в голос не разрыдалась:

— То есть это я на эмоциях?